

С.Н. Лютова
(МГИМО (У) МИД РФ, Москва);
И.И. Серженко
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

Поэт и историк: живые картины Д.И. Иловайского в лирике Марины Цветаевой

Об исторических сочинениях своего «сводного деда», Дмитрия Ивановича Иловайского, Марина Цветаева писала: «Однажды, раскрыв его учебник, я попала глазами на следующее <...> примечание: «Митридат в Понтийских болотах потерял семь слонов и один глаз». Глаз – понравился <...>. Стала читать дальше, – и раньше, и после, и древнюю, и среднюю, и новую, и вскоре убедилась, что всё, что он пишет – вижу <...>. Что тут *живые* лица, живые цари и царицы – и не только цари: и монахи, и пройдохи, и разбойники!.. «Вы отлично подготовлены. По каким источникам вы готовились?» – «По Иловайскому» [1, 109].

Встречая в лирике М. Цветаевой сюжеты русской истории, созвучные драматической эпохе, в которой довелось жить поэту, мы неожиданно узнаём образы, сцены, нарисованные Иловайским, и, что особенно важно, его психологические интерпретации. Вовсе не беллетрист, напротив, скрупулёзный исследователь и даже сухой хроникёр подчас, Иловайский тем не менее испытывал напряжённый интерес к личности исторических персонажей, изредка выдавая в себе виртуального очевидца событий неосторожной репликой вроде: «Марина <Мнишек> преодолела своё отвращение к Тушинскому вору и бросилась ему в объятия» [2, 111]. Сознательно ставя перед собой задачу собрать свидетельства современников о внешности, характере и мотивации поступков того или иного лица, Иловайский действительно сделал свои труды идеальным посредником между реальностью минувшего и художественным её восприятием.

Для поэта такой летописец незаменим, и по прошествии лет сводная внучка Дмитрия Ивановича нашла и смогла

оценить дар, оставленный *ничего девочке не дарившим* [1, 104] дедом. Думается, можно утверждать, что именно психологизм историка Иловайского не только подсказал Цветаевой ряд лирических метафор, но и открыл традиционно считающейся аполитичной Марине Ивановне пути исторического процесса – через возможность отождествления с фигурами прошлого, через возможность олицетворения социальных абстракций, через символическое постижение смысла конкретной фактуры. Разумеется, у неординарного учёного должна была оказаться необычная ученица, чтобы так воспользоваться наукой и впоследствии выказывать гораздо большую социальную прозорливость, чем вполне политизированные представители её ближайшего окружения.

Изо всей «древней, и средней, и новой» остановимся на трудах Д.И. Иловайского, посвящённых «Смутной Эпохе», и на влиянии, которое, как мы предполагаем, они оказали на лирику М. Цветаевой.

Прежде всего, трагический роман Лжедмитрия и Марины Мнишек был выделен в контексте Смуты не только поэтическим восприятием молодой Цветаевой, как можно было бы предположить (и непосредственно отразился в стихотворном цикле «Марина», расплескав метафорические отголоски в цикле «Разлука» и в ряде других произведений 1921–1922 гг. [3, 21-24, 25-32, 112-113]). Романтическая предыстория масштабного бедствия, охватившего отечество в начале XVII в., акцентирована самим Иловайским на фоне династических притязаний и национальных интересов противостоявших друг другу сторон. Он так и пишет о Лжедмитрии: «Сдаётся нам, что и самый толчок к столь отчаянному предприятию, самая мысль о самозванстве явилась у него не без связи с романтическими отношениями к Марине <...>. Возможно, что кокетливая, честолюбивая полька, руководимая старым интриганом-отцом, вскружив голову бедному шляхтичу, сама внушила ему эту дерзкую мысль» [2, 7].

Историк неожиданно вплетает в кровавые события прошлого... сказку. Всё начинается с архетипического посыла невыполнимых заданий жениху: найдёшь, добьёшься, принесёшь, – получишь невесту! Юрий Мнишек отсылает

неугодного соискателя руки своей дочери, заключив с ним письменный договор: «Я тебе Марину, когда ты мне – полцарства Московского».

В патриотическом сознании угрозы, нависшей над Русью вследствие данной авантюры, презренного Второго и ничтожного Третьего самозванцев иначе, как ворами и «цариками» не звавший, Иловайский неожиданно проявляет своего рода донкихотство, воздавая должное достоинствам Лжедмитрия I – врага: «... он обладал звучным голосом, даром слова и притом не лишён был некоторого образования. Вообще он был способен при случае производить впечатление и убеждать, увлекать за собой других <...>. Это был хотя и легкомысленный, но несомненно даровитый, предприимчивый и храбрый человек, с сильно развитой фантазией» [2, 7, 11].

Обычно суровый судия преступного тщеславия людского, обличитель как польских интервентов, так и «своих» предателей, Иловайский по отношению к Лжедмитрию I неожиданно позволяет себе роскошь откровенной симпатии. Журя за легкомыслие, всё же любит им, заражая сочувствием такую отзывчивую на проявления дерзости и великодушия (и героя, и самого автора) читательницу, как Марина Цветаева. Она отметит в Иловайском то невероятное сочетание идеологического фанатизма с толерантностью к инакомыслию достойного оппонента («Взаимное признание сил» [1, 120]), которое, проявляясь в семейном кругу, очевидно и в профессиональном подходе историка.

Скупыми словами, затерянными, на первый взгляд, в пространным тексте, посвящённом, как водится, сражениям и интригам, воскрешению десятков имён, забытых, Иловайский продолжает плести свою сказку, тянет нить (любезной всякому девичьему сердцу) средневековой баллады о влюблённом рыцаре, который... вот уж и стяжал для дамы сердца московский трон. Живописуя год самозванного правления Лжедмитрия в ожидании его недоверчивой панны, Иловайский являет этот год неким затянувшимся мальчишником, на котором Жених: «... сыпал вокруг себя наградами и подарками <...>. Любя сам одеваться роскошно и часто менять свои наряды, он требовал подобной роскоши от бояр, дворян и даже простых людей. Русский современник с

иронией замечает: «Невесть с какой радости все ходили по улицам весёлые как женихи в золоте, серебре и чужестранной багрянице» <...>. Самозванец жил широко и весело <...> Он сам устроил несколько русских свадеб» [2, 58].

Самозванец опустошает кремлёвскую сокровищницу, пополняя казну тестя и непрерывно посылая невесте драгоценные игрушки, которые – лишь залог послесвадебных даров. За невестой, подъезжающей к столице, Лжедмитрий вышлет серебряную карету, запряжённую дюжиной белых коней в яблоках «наподобие леопардов». Иловайский пространно описывает экипаж и перечисляет подарки. В их числе Лжедмитрий поднесёт своей Марине (в том самом, у М. Цветаевой, «розмариновом ларчике» [3, 23]) «драгоценности на целых полмиллиона рублей» [2, 72]. Не выполнив посулов Папе Римскому и польскому королю, «только относительно Мнишков он остался верен своим обязательствам» [2, 59], как отмечает историк.

Но иного рода щедрость Самозванца привлекает внимание Иловайского. Она проявится в кульминационной сцене этой «сказки», этой романтической драмы. По прибытии Мнишков в Москву Лжедмитрий даёт им парадную аудиенцию: «...в так называемой Золотой палате, сидя на роскошно украшенном троне, в полном царском облачении, в присутствии Боярской думы, причём по правую сторону от него сидел патриарх <...> Самозванец, по словам одного польского свидетельства, «плакал как бобр, поминутно утирая платком свои глаза» [2, 70].

Какой контраст помпезности и простодушия, какая верность страсти, унять которую не в силах были и 30 наложниц, что, по сведениям Иловайского, после смерти Лжедмитрия «по его вине готовились сделаться матерями» [2, 58]! «Перлы рассыпались, – слёзы!» [3, 23] – воскликнет М. Цветаева, возможно, именно в этой сцене рыданий на троне нащупав пульсацию жилы (доселе приторно золотой) всей этой, 300-летней давности, авантюры.

Пульсацию рока, *поэтическую* тональность темы Лжедмитрия в какофонии русской Смуты слышит сам Иловайский, посчитавший нужным упомянуть о вихрях, будто бы дважды поднявшихся – при въезде в Москву Лжедмитрия

и, позже, Марины. Но прежде того, без комментариев историка, невинной констатацией факта являются в повествовании Иловайского – предтечей воцарения Самозванца – две поэтические фамилии: «дворяне Пушкин и Плещеев» [2, 47] зачитывают с Лобного Места грамоту, поднявшую народ против Годуновых.

«По отношению к Марине Лжедмитрий вёл себя как человек страстно в неё влюблённый» [2, 72], – констатирует историк. А разве поэзия любви не познаётся на грани гибели? И, предварив последний акт драмы зловещей фразой, Иловайский поднимает занавес: «Оба, и Самозванец, и Марина <...> находились в каком-то чаду. Тем ужаснее было пробуждение этой легкомысленной четы» [2, 74]. В роковой час, осознав смертельную опасность, Лжедмитрий под прикрытием Басманова (единственного, кто остался верен ему до конца) спешит предупредить Марину, тем самым, возможно, отсекая себе путь к потайному ходу, то есть к спасению.

С этого момента мы можем проследить внутреннюю полемику между историком и поэтом, хотя картина, стоящая перед внутренним взором автора цикла «Марина», определённо та самая, которую «транслирует» читателям Иловайский. «Обезображенный его труп, – пишет историк о том, что последовало за расправой над Самозванцем, – сбросили с крыльца на труп Басманова со словами: «Ты любил его живого, не расставайся и с мёртвым!» Потом их обоих потащили на Красную площадь <...> труп лежал на площади на небольшом столе (около него на земле распростёрт был труп Басманова), и неразумная чернь вволю издевалась над ним <...> Одни положили ему на грудь грязную маску <...>. Другие совали ему в рот дудку со словами: «Долго мы тебя тешили, теперь сам нас позабавь» [2, 84, 86].

А что же с Мариной Мнишек? Иловайский осуществляет чудесное превращение, будто со смертью её рыцаря с образа «государыни» спали чары, наведённые его любовью, и все увидели, мало Золушку после полуночи, – Крошку Цахеса в юбке! Прежняя царица маскарадов и балов, венчанная царица Московская, неузнаваемая, получая случайные толчки и ругательства, в панике снуёт в толпе рвущихся в её покои убийц и, наконец, «...благодаря своему небольшому росту и

худобе, – презрительно улыбается Иловайский, – Марина спряталась под юбку своей старой толстой гофмейстерины» [2, 83]. Видно со смертью Лжедмитрия уж некому стало защищать его даму... даже от насмешек историка!

Мы можем только предполагать, как Цветаева, возмущённая тем, что тёзка её упустила возможность оказаться связанной и в смерти словом «любовь» с Самозванцем («Если имя твоё – Басманов, // Отстанись. – Уступи любви!») [3, 21]), была раздосадована ещё и этим уничижительным развенчанием Марины, этим предательством любви со стороны Иловайского, дотоле, кажется, чтившим эту любовь шляхтича вопреки собственному патриотизму. Мы можем только предположить, что М. Цветаева, удостоив тёзку проклятия и титула Лжемарины [3, 22], стремилась восстановить историческую... нет, лирическую справедливость: та, которую так любили (которая так трагически завершит свой путь), не заслуживает осмеяния. И М. Цветаева возвышает тряпичную куклу, несчастную марионетку чужой воли до ненависти.

Восхищения бы заслуживала она, если б ступила на путь архетипического подвига индийской вдовы, если б после убийства Первого, а не Второго Лжедмитрия «предалась отчаянию, – как сказано у Иловайского, – и вопила, чтобы и её также убили» [2, 213]. Марина Мнишек опоздала. И весь пафос цикла «Марина» Цветаевой – в исправлении ошибки, в подмене собою исторической героини, не достойной гибели-любви: заслонить Самозванца от смерти (вместо Басманова), заслонить от позора «На роковой площади», где гордец «В маске дурацкой лежал, // С дудкой кровавой во рту» [3, 22]. Или уж ринуться вслед за ним из башенного оконца « – повторённым прыжком – // На копьё» [3, 23].

Последний порыв, не героический, вдовий, М. Цветаева ощущала в себе, по-видимому, как острый соблазн отчаяния. Май 1921 г., когда написаны были четыре стихотворения цикла «Марина», – время тревожного неведения Цветаевой относительно судьбы мужа, и тот же мотив «повторённого прыжка» за любимым в смерть угадывается в посвящённом С. Эфрону цикле «Разлука», написанном примерно тогда же. «Башенный бой // Где-то в Кремле // <...> Точно рукой // Сброшенный в ночь – // Бой» [3, 25]. «Хочу! – Вот так: вниз

головой // – С башни! – Домой! // Не о булыжник площадной: // В шёпот и шелест... // Мне некий Воин молодой // Крыло подстелет» [3, 26].

В цикле «Разлука», таким образом, утраченный, быть может, безвозвратно супруг ассоциируется с историческим Самозванцем в интерпретации Иловайского, то есть с любимцем Афродиты (вторым Парисом), а не политическим авантюристом. Тогда как, вспомним, в 1916 году М. Цветаева обращается к мужу как к «царю истинному», вполне традиционно используя метафору «междоцарствия», когда, читаем по Иловайскому же, «самозванчество вошло в какую-то моду, так что число <самозванных царевичей> дошло до десяти» [2, 107]: «Самозванцами, псами хищными, // Я до тла расхищена. // У палат твоих, царь истинный, // Стою – нищая!» [4, 301]. И в 1917 году цветаевский «рыжеволосый Самозванец» [4, 380] – насильник, а не возлюбленный.

Почему в 1921 году М. Цветаева обращается к поэтизированному её «дедом» образу Самозванца, указывает стихотворение «Как разгораются – каким валежником!» [3, 23], где в роли правящих самозванцев выступают Нежность и Жалость. Супруг, теперь тоже олицетворяющий собой не праведный Закон, а этих, брака не знающих, вездесущих и пылких *временщиков*, сам становится на время гонимым Самозванцем любви.

Смута душевная неизменно напоминает М. Цветаевой о той Смуте, государственной, именно благодаря нежданному романтизму почтенного старца Иловайского. Вся *та* Смута насыщена у него эротизмом не менее, чем кровью была пропитана тогда страна. Сам притягательный для Цветаевой дом Д.И. Иловайского со всеми его обитателями в восприятии поэта странным образом исполнен красоты и обречённости, балансирует на лезвии контраста – смертей и страстей. «И десятилетия спустя, – пишет М. Цветаева, – не могу не содрогнуться от такого сгущения жути: «живые картины» – в мёртвом доме, мёртвые картины из живых людей» [1, 116-117].

Не потому ли тема любви-смерти так пленяет всегда М. Цветаеву, что гибель – единственная гарантия моногамии (монархии?), единственный способ сохранить верность этому извечному человеческому идеалу? Мечта об остановленном

мгновении: «Помолитесь обо мне в райской гавани, // Чтобы не было других моряков» [4, 213]...

Лирическая героиня названных выше стихов Цветаевой выступает за персональные пределы не только в отождествление с «авантюрьерой» исторических преданий, но и в идентификацию с женственной душой Родины, Московии. Как женщина между соблазном реальности и целомудрием идеала, Русь мечется от невротической вольницы анархии к столь же болезненной, покаянной жажде единодержавия, от монархической истины к правде плюрализма. «...Бесхозьяная Русь, // Окаянная жизнь!) // Вечно – из дому, // Век – мимо дому, // От любезного // В лес – к дорогому! // <...> Лжемариною // В сизые гряды! – // Я княгиня твоя // Безоглядна...» [3, 112-113]. И нет исхода, не будет ей окончательного пристанища.

Если психологизм Д.И. Иловайского сквозь толщу исторических напластований позволяет проникать личность, психологизм лирики М.И. Цветаевой, напротив, сквозь призму человеческого являет историческое, социальное.

Литература

1. Цветаева М. Дом у Старого Пимена / М. Цветаева. Собрание сочинений в 7 т. Т. 5. Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. – М.: Эллис Лак, 1994. – 720 с.
2. Иловайский Д.И. Смутное время Московского государства / Д.И. Иловайский. Новая династия. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательства АСТ», 2003. – 749 с.
3. Цветаева М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 2. Стихотворения. Переводы / М. Цветаева. – М.: Эллис Лак, 1994. – 592 с.
4. Цветаева М. Я пришла к тебе чёрной полночью... / М. Цветаева. Собрание сочинений в 7 т. Т. 1. Стихотворения. – М.: Эллис Лак, 1994. – 640 с.